

The image features a dark, almost black background. Two hands are visible, one on the left and one on the right, both raised with fingers slightly spread, as if in a gesture of prayer, supplication, or reaching out. The hands are illuminated from the side, creating a soft glow and highlighting the texture of the skin and the shape of the fingers. The lighting is dramatic, with the rest of the scene being in deep shadow.

ИВАН ЦАРИЦЫН

ПОСЛЕДНИЙ
ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Иван Царицын

Последний человек на Земле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980899

SelfPub; 2023

Аннотация

Он – последний человек на Земле. Его доля незавидна. Его время на исходе. Сможет ли он осилить возложенную на него ответственность?

Иван Царицын

Последний человек на Земле

В камине горел огонь. В огне сгорали книги. Сгорали тома Толстого, Чехова, Томаса Манна, сгорали труды Сартра, Бердяева, Хайдеггера. Это был очень большой камин и в нём можно было сжечь очень много книг.

Человек сидел на табурете. Он напоминал истукана. Он смотрел на огонь. В его будто стеклянных, застывших глазах отражались отблески пламени. Его пальцы с обгрызенными ногтями сжимали колени. Слышался только треск пламени.

Наконец человек поднял бессмысленный взгляд на портрет Достоевского, висевший над камином.

– Зачем ты был нужен?

Он захотел ножом искромсать портрет и сжечь обрывки, как он сжёг книги из отцовской библиотеки. Но Достоевский с портрета словно зывал к нему. Человек знал, что Достоевский хочет, чтобы он сам ответил на свой же вопрос и чтобы он ответил на вопрос вместо всех тех, чьи книги он сжёг.

Мучительно было человеку! Помимо писателей и мыслителей были и миллионы тех, чьи имена не сохранились, миллионы тех, кто вопрошал из небытия: зачем? зачем? зачем?...

И он, не в силах совладать с ужасающей ответственностью, дал слабину – сорвал портрет и целиком затолкал в огонь.

Прошла минута, другая и человек успокоился. Он посмотрел на наручные часы. У него осталось два часа. Каких-то два часа...

Его дом стоял на холме, у подножия которого текла река. Не так далеко возвышалась гора, на её обрыве ютилась небольшая церковь, давно заброшенная. Будучи ребёнком, человек мог подолгу всматриваться в отвесную скалу и церковь, напрасно пытаясь разгадать как древнему гению удалось так естественно, с такой чудесной гармонией вписать (подобно Богу) лёгкую, стройную, белокаменную церквушку в суровый горный ландшафт...

Кто-то окликнул его. Человек вздрогнул, огляделся. На кровати лежал тощий бледный старик. Усохшей костлявой рукой он поманил к себе. Человек отвернулся.

– Ты – всего лишь галлюцинация. Оставьте меня в покое!

– Подойди, – гнетущий стариковский голос.

И с удручающей суровостью, не умолкая ухало один за другим: подойди, подойди, подойди.

Человек навис над стариком, тот вжался в кровать, затрясся всем своим костлявым измученным телом и на грани какой-то предсмертной паники взмолился:

– Книга! Книга!

– К чёрту! – разозлился человек.

Старик протягивал небольшой томик. Какая знакомая книга – «Покорители космоса». Человек зачитывался ею в юности, там рассказывалось о Гагарине, Леонове и многих других. Где-то в юношеском сердце он даже лелеял мечту стать космонавтом, хотя и понимал, что это недостижимо.

Старик измождённо шептал:

– Мы, это были мы...

– Достало, – человек выхватил книгу и швырнул в камин. Она не попала в цель, ударилась об стену. Тогда человек, не мешкая покончить с этой гнусной историей, подобрал книгу, недюжинной силой разорвал пополам и отправил в огонь ко всем прочим творениям.

На кровати больше никого не было. И никого не было во-круг. Лишь с улицы доносилось завывание ветра в скалах, доносился шумный бег реки – звуки одинокого, брошенного мира.

Полтора часа. Осталось каких-то полтора часа...

Он вышел в сад. Некогда это был яблоневоый сад удивительной красоты, созданной и воспетой людьми. Теперь же он приобрёл другую красоту, дикуую, необузданную, перво-бытную. За ним давно уже никто не ухаживал. От самой пер-вой, привнесённой людьми красоты, остались лишь детские качели. Два тугих каната, доска – грубо и просто.

А где-то не так далеко – белая церковь.

Сад скрывал и другие артефакты. Меж двух столетних яб-лонь, чёрных от избытка времени, в густой траве расположи-

лись, укрытые моховым одеялом, две каменные плиты – могилы матери и отца. Человек позабыл, когда земля приняла родителей и думал, что могилы не менее древние, чем церковь. За последние месяцы время как-то расплылось в его сознании, и многое смешалось, наслоилось, яркие воспоминания тускнели, а что-то забытое и незначительное неожиданно подсвечивалось памятью. Трудно было всё это разобрать, уместить в какой-то порядок, да и сильного желания не было.

Он постоял над могилами. Что теперь, когда он остался последним, они значат для него? Конечно, личное, интимное чувство преданности, тёплой любви он сохранит до конца. Но вот он уйдёт, и кому нужны будут его воспоминания, его трепетно хранимая все эти годы любовь? Ему говорили, что дети – это продолжение, шаг в бессмертие, но оказалось, что выход из сансары, бесконечного колеса рождения и смерти, заканчивается ужасной оглушающей пустотой.

Странно – сейчас он как бы впервые увидел красоту в гармонии мха, густой зелёной травы и каменных плит. Странное ощущение несостоявшегося разговора.

Задрожали кроны деревьев, словно дыхнул кто-то большой и незримый. Человек увидел, что на качелях сидит мальчик. Ребёнок начал раскачиваться, заскрипели канаты.

– Стой, – крикнул человек.

Мальчик повернул к нему лицо – и засмеялся тем чистым смехом, каким могут смеяться только дети.

– Я на это не куплюсь, – снова крикнул человек.

Мальчик продолжал смеяться, а человек знал, что ничего не кончится, пока он не поговорит с ним.

– И что ты мне расскажешь?

Ребёнок прыгнул с качелей. Видно было, что жажда жизни переполняет его. Ему, как и всем детям носиться бы по просторам, играть, шалить, но он был всего лишь миражом, хитрой уловкой разума. Поэтому он стоял неподвижно, наперекор своему естеству.

– Хочу поиграть, – сказал мальчик.

– Не время для игр.

– Мы много играли когда-то.

– Когда-то, – повторил человек и закрыл глаза. Ветер обдувал лицо и навевал воспоминания. Воспоминания, которые никому больше не нужны.

Мальчик вздрагивал. Человек ласково провёл ладонью по волосам ребёнка, печально вымолвил:

– Тише.

– Побежали к реке.

– Я не могу. Мне надо быть здесь.

– Мы быстро.

Человек касался волос мальчика, а другой рукой держался за шершавый канат. Не было в тот момент для него ничего более настоящего, более искреннего, чем канат, за который когда-то так же держались чьи-то детские пальчики и волос ребёнка, прикосновения к которым напоминали ему

чувство, когда он, сам будучи маленьким, притрагивался к волосам матери. Он с необъятной остротой ощущал самого себя и своё присутствие в мире.

– Побежали! – слёзно пискнул мальчик. Пот выступил у него на лбу.

Драгоценный момент был упущен, вернулся обман.

– Я не могу, – ответил человек.

Память подсветила ещё одно полузабытое воспоминание, и человек сказал:

– Помнишь, у нас была детская книжка с картинками, а в ней главка, которая называлась «Для чего нужна собака?»

Ребёнок ответил:

– Чтобы быть домашним животным. Чтобы гулять с ней, чтобы с ней играть.

– Как было бы хорошо, если бы ты был прав. Но ты не прав.

Человек, подавив рыдания, подтолкнул мальчика:

– Беги, я догоню.

– Обещаешь?

– Конечно.

Ребёнок пустился рысью с холма туда, где текла река. Когда силуэт его исчез из виду, человек посмотрел в небо. Как бы хотелось ему найти утешение в этой бездонной синеве. Но вместо утешения – вызов и безумная духовная борьба.

Покорители космоса? Как глупо сейчас звучит эта фраза. Покорители... Почему нужно было всё вокруг покорять? По-

чему обязательно нужно было навязывать себя миру? Вместо того чтобы просто слетать в космос, видеть космос, внимать ему.

Даже собака была для чего-то нужна...

Остался час. Всего один час...

Он вернулся в дом. Там его пять поджидали. Нагая девушка стояла напротив камина и со слезами смотрела, как в огне догорают книги.

– Оставьте меня одного, – усталая, без права на надежду просьба человека. – Вы мучаете меня.

Девушка повернулась к нему, на её обнажённое тело ложились отсветы пламени.

– Я пришла помочь.

– Вы взвалили на меня непосильное бремя оправдываться – за всех вас. Это невозможно вынести, это беспощадная ответственность.

– Злиться – грех.

– Не юродствуй. Закутайся.

Он сгрёб с кровати одеяло и швырнул девушке. Она не дрогнула. Одеяло осталось лежать у неё в ногах, она переступила через грудь босыми ногами, тихой поступью приблизилась к человеку.

– Не предавайся греху.

Благодаря какому-то волшебству на ладони у неё оказался маленький крестик. Умоляюще девушка произнесла:

– Возьми. Спасись.

Что-то очень нехорошее, чёрное готово было вырваться из человека.

– Не будет никакого Страшного суда.

– А ты всё равно возьми.

Он посмотрел прямоком в её глаза – ледяные, за взглядом которых не скрывалось ничего. Пустота. И как же он устал растолковывать пустоте про унылый, безнадёжный тупик.

– А ты всё равно возьми, – говорила девушка. – Важно лишь как сильно ты будешь желать спастись.

– Разве чего-то вообще можно желать в такие минуты?

– А любовь?

– Моя любовь со мной. Прости, но тебе в ней нет места.

Теперь он должен был сказать то, что говорил каждому наваждению, каждому мороку, проникавшему в его воспалённое сознание. И в момент, когда он готов был высказаться, память вновь подсветила загубленное, брошенное воспоминание – поцелуй и жар женских губ. Человек чуть не сломался. Он призвал на помощь всю силу воли и сказал:

– Теперь уходи.

Девушка исчезла. Не плавно расплылась в воздухе призраком, а резко, с некоей грубостью – человек и моргнуть не успел.

Уже почти догорели в камине портрет и книги. Становилось как-то зябко, неуютно. Взглянуть бы ещё раз на гармонию...

Человек вышел к могилам.

Всё, что он хотел – попросить прощения. Перед кем и за что – и сам не знал.

«Моя любовь со мной» – и если обобщить, то что из этого следует? Он остался один, и он обладал монополией на истину. В те последние минуты своей жизни он сам был истиной. Никто и ничто не могло отнять у него сокровенных, самых дорогих мгновений. Стоя над могилами отца и матери, он неожиданно подумал об удивительной вещи: вот гармония мха, травы, росы, солнца, дождя, гор, рек, лесов. Она была до него, она останется после. Но это будет уже другая гармония, она будет богаче, крошечные штрихи дополнили её – церковь на горе, детские качели в саду. И могилы, две каменные плиты, укрытые моховым одеялом, два финальных штриха. Разве не в том благодарность природы за столь малые явления людского бытия, что она хранит предков, даруя им возможность пребывать в ней, двигаться с ней, присутствовать в земле и корнях, в полевых цветах и пчёлах, в старой яблоне, в косточке её плода и снова в яблоне?

Человек так и не понял – получилось у него или нет. В конце концов, сегодня его одолевало множество разных мыслей. И всё же он почувствовал, что теперь имеет право сдать-ся.

Тогда он начал прощаться. Это было молчаливое прощание, очень личное, глубинное, наполненное мягкой, светлой тревогой, искуплением и очищением.

Человек стал свободным. У него осталось пятнадцать ми-

нут, чтобы быть собой и побыть наедине с собой.

В камине дымилась зола. Человек подобрал с пола одеяло, заправил кровать, сел на жёсткий матрас и стал ждать. Шли блаженные минуты, и даже страх перед неминуемым не терзал, не рвал на части. Он был своим, этот страх, только ему, человеку, принадлежащий и неотделимый от него. И не только страх принадлежал ему – целый обоз переживаний, чувств, озарений он дотащил до самого конца и скинул, облегчённо выдохнув.

Всё это принадлежало ему и всё это он заберёт с собой. Раздался стук в дверь. За ним пришли.